

МОТИВ МАЛОЙ РОДИНЫ В СТИХАХ РУССКИХ ПОЭТОВ БУРЯТИИ

Мункуева Лидия Доржиевна

Аспирант, Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова, (г. Улан-Удэ)
lidiya-naumova@inbox.ru

Затеева Татьяна Владимировна

Доктор филологических наук, профессор, Бурятский
государственный университет имени Доржи Банзарова,
(г. Улан-Удэ)
vlatat1954@yandex.ru

THE MOTIF OF THE SMALL MOTHERLAND IN THE POEMS OF RUSSIAN POETS OF BURYATIA

**L. Munkuyeva
T. Zateeva**

Summary: The article examines the motif of the small motherland in the works of Russian poets of Buryatia Andrey Rumyantsev, Ivan Igumnov, Svetlana Nesterova, Konstantin Sobolev. The poems of the poets have not yet been fully studied in this aspect. The motif of the small homeland is traditionally explored in Buryat literature. The novelty of our research lies in the fact that for the first time in the work of Russian lyricists of Buryatia, the motif of the small homeland is analyzed, its individual components are considered: images, loci, symbols, signs, representations of the lyrical hero about his native home, mother, father. The research is based on cultural-historical, biographical and descriptive methods.

Keywords: motif, image, symbol, hero, locus, Baikal.

Аннотация: В статье рассматривается мотив малой родины в творчестве русских поэтов Бурятии Андрея Румянцева, Ивана Игумнова, Светланы Нестеровой, Константина Соболева. Стихи поэтов в полной мере еще не изучены в этом аспекте. Мотив малой родины традиционно исследуется в бурятской литературе. Новизна нашего исследования заключается в том, что впервые в творчестве русских лириков Бурятии анализируется мотив малой родины, рассматриваются отдельные его составные: образы, локусы, символы, знаки, представления лирического героя о родном доме, матери, отце. Исследование основано на культурно-историческом, биографическом и описательном методах.

Ключевые слова: мотив, образ, символ, герой, локус, Байкал.

В бурятской литературе традиционным является образ малой родины, что выражается в понятии *тоонтюнтаг* (с бур., дословно земля, где зарыт послед, место рождения человека). В стихах русских поэтов Бурятии А. Румянцева, И. Игумнова, С. Нестеровой, К. Соболева это выражается в мотиве малой родины, что возникает из описания лирических пейзажей с величественным Байкалом в разное время года, вековых кедров и устремившихся в небо раскидистых сосен, цветущих лугов и полей, образов родного села и близких людей. Не случайно, с точки зрения литературоведа, природа мотива складывается из каждой мельчайшей детали, фокусирующей понятие образа, который оказывается особенным «ключевым словом», несет нечто общее, сказывающееся в «повышенной семантической значимости всего художественного произведения» [4, с. 17].

Так, в поэзии Андрея Румянцева мотив малой родины исходит прежде всего из образа родного села Шерашово, что раскинулось на берегах Байкала: «Какое чудо мне дала// Скупая в общем-то судьбина:// Воды гремющая лавина// У стен родимого села» [13, с. 18]. Эпитет «скупая» символизирует жизнь и героя с его детством, выпавшим на годы войны, и сельчан, которые некогда заложили у берегов священного озера небольшую деревеньку, отстроили ее до села со всеми его хозяйственными угодами.

В поэтическом слове о малой родине проступает об-

раз русского человека - человека труда, созидателя, не отчаявшегося, несмотря на годы, полные неизбывного горя, страданий. Эпитеты «клокочущая», «вздыбленная», «земная» вбирают в себя направленность души человека к земному бытию и его обращенность к небесам. Так рождается художественное гармоничное сочетание миров в поэзии А. Румянцева - единство земного и небесного: «Я не знаю, где оно, начало// Нашего знакомства и родства// С детских лет волна твоя качала// И меня, и деда, и отца... [10, с. 12]. Слова «знакомство» и «родство» несут дополнительную символическую основу – это ключевые вехи в жизни людей. «Знакомство» – это только что родившийся человек, которому еще предстоит знакомство с Байкалом. Так лирический герой обозначает первую веху в своей жизни. Понятие «родство» указывает на глубинную, нерасторжимую связь человека с Байкалом не в одном поколении, а в нескольких. И это уже обозначение жизненной нити людей как в ее ретроспективности, так и в непрерывной линейности, устремленной в будущее. Ни одно стихотворение о малой родине не обходится без образа великого озера, при этом в лирической архитектонике обозначаются и иные локусы, как в таких строках: «За домом - поле да тайга,// Дорога да погост в лесочке,// Овражек, тонущий в песочке.// А дальше – влажные луга,// Байкал, крутые берега// Да в море дальних лодок точки... [11]. «Байкал», «дом», «поле», «тайга», «дорога», «погост», «лодок точки» - неразрывные локусы малой родины, органично включенные в притяжение

байкальского пространства, которое освоено и усвоено людьми, неотделимо от них. Не случайны слова литературоведа: «Привязанность к родному краю выражена во всех сборниках поэта конкретно и убедительно: с отчей землей душа его навсегда «связана живой, никем не расчеченной пуповиной», когда-то деда» корнями, как сосна, выросли» в нее, сегодня он сам, «как сосна, у дороги потрясенно и тихо» стоит» [8, с. 98].

Оттого, по всей видимости, возникает у поэта поэма «Колодец планеты». Образ Байкала проступает из отдельно взятого локуса - колодца, в котором фокусируется образ малой родины - родного села с его тружениками всех времен, что когда-то на века строили колодцы: «Я видел, как рыли колодец// На утренней зорьке во двор// Собрался не хилый народец- // Мужик к мужику на подбор...» [12]. Эпитетом «не хилый» возникает образ по-настоящему крепкого телом и душой русского народа, что «мужик к мужику на подбор». Крепость лиственницы, из которой готовится сруб колодца, соотносим с героями поэмы. Оттого поэт одаряет их словом «мастера». Колодцы на Руси строили на века, поэтому брали самый крепкий материал - лиственничный. С ним напрямую на Руси связывали понятие жизни. Как невозможно вычерпать добротный колодец, так и нельзя остановить течение жизни как таковой.

Поэт образом святого колодца напоминает читателю народную поговорку: не плюй в колодец - пригодится воды напиться. Обличая в поэме человеческую скудость души, приспособленческое и потребительское отношение людей к такому уникальному источнику как Байкал, А. Румянцев требует остановиться людей в их губительных деяниях против планетарного колодца. В этом плане, с позиции исследователя, А. Румянцев относится к тем поэтам, которые верны «своей родине-матери. Верность - вот тот стержень его поэзии, своеобразный ключ, которым и можно обозначить ее суть» [5, с.145]. Отсюда верно замечание критиков: «А. Г. Румянцев во всех смыслах русский национальный поэт, гармонично вошедший в литературное пространство Бурятии и создавший глубокий образ малой родины» [3, с. 60].

Поэт Иван Игумнов родился в Кяхтинском районе Бурятии, детство прошло на берегах реки Жарчихи и в ближайшей тайге. В его поэзии много стихов посвящено малой родине. Но в большей степени данный мотив отразился в венке сонетов «Жарчиха». Мотив малой родины в нем вырастает из мира воспоминаний о детских годах: «Храню я в дальней стороне // Заботы, хлопоты деревни...», «И уезжаю к зимовью// К Жарчихе, что любить учила...», «А сон - как матери наказ // Я помню - раньше и сейчас: Ручей - родник мое начало» [1, с. 417, 414, 416]. Лирический герой, взрослый человек, мыслями, всей душой стремится вновь вернуться в этот малый мир детства, где жива мать, убаюкивающая его чудесными расска-

зами о Жарчихе, родной реке, недалеко от которой - в тайге еще стоит зимовье, построенное дедом.

В лирическом восприятии героя мир настолько локализуется в малом пространстве дедовского зимовья в тайге, что можно было бы сделать вывод об узости поэтического видения. Однако как бы не привык герой к «скитаниям по городам», жизненным «суматохам дорог» он чувствует зов памяти, призыв родной земли: «К распадам с клиньями полей// Стал выбираться я все реже//. Но тянет к ним все неизбежной, // нетерпеливей и сильней» [1, с. 414]. Эпитеты «неизбежной», «нетерпеливей», «сильней» не только выявляют внутреннюю жажду души героя, стремящегося вновь оказаться в параметрах родного уголка, но и обнаруживают дихотомию мира, где одна его часть - естественная (природа) противопоставлена социуму со всем его цивилизационным, искусственным началом.

Вследствие этого в параметрах лирического мира происходит своего рода метаморфоза: локальное пространство зимовья вдруг расширяется, раздвигает свои границы и тропинкой как неким острым предметом разрезает эту замкнутость, уводя героя в далекий мир детства, юности, туда, где начинаются истоки родовой, где кроется сама глубинность народной жизни: «А в зимовье еще пустыней// И тонут в темной паутине// Косые лезвия лучей, // И тихо тени хороводят. // Но вот к селу меня уводит// Тропинка памяти моей» [1, с. 413]. Тропинка оказывается соединяющим звеном между разрозненными пластами одного и того же времени. Лирический герой в этот момент памятью гармонично возвращается в исчезнувший мир своего детства, где жива мать, многие сельчане, где по-прежнему люди беспокоятся об урожае: «Заботы, хлопоты деревни», «Лето все в возне», «Скудны поля» [1, с. 417].

Образы ручья («Ручей-родник, мое начало»), впадающий в большую воду реки Жарчихи, матери, с которой то ли наяву, то ли во сне говорит герой, выполняют ту же роль, соединяя разрозненные части некогда единого мира. Не случайно герой задается вопросом: «Сон или явь?» [1, с. 416]. Данный вопрос выявляет дихотомию мира в сознании лирического героя.

Если от образа ручья-родника, самой реки Жарчихи веет чем-то языческим, когда русский человек еще не был выделен из природы и никак не отделен от нее (и в этом гармоничность и целостность единого - человеческого и природного миров), то образ матери уводит к православным началам. Внутренний диалог лирического героя с самым близким человеком обнажает социальные болезни времени: «суматоха», «...так и не привыкну// В пустом углу к иконным ликам», «Я по течению плыву» ... [1, с. 414, 415]. Герой и сам ощущает свою раздвоенность, когда, будучи взрослым, в памяти видит себя - мальчиком, чтобы вновь услышать тихую поступь

матери, услышать чуть слышный ее голос, звучащий «гулко, словно наяву»: «Тот голос матери теперь// Мне снится долгими ночами» [1, с. 416]. В данном лирическом осмыслении в художественную ткань сонетов прорывается библейская притча о возвращении блудного сына. Так происходит соединение разрозненных частей одного мира в единстве времени и пространства, образуется, с точки зрения В.Н. Топорова, сакральность мира, где «пространство и время, строго говоря, не отделимы друг от друга, они образуют единый пространственно-временной континуум» [16, с. 231].

Образ малой родины поглощает собой всю дискретность реального мира взрослого героя. При этом выявляется художественная разнонаправленность концептов дороги и тропинки. Если зимовье, тропинка, родник-ручей - связующие нити или узлы, исключающие дихотомичность мира, то дорога в венке сонетов уводит героя из пределов родного - локального мира в большой. Это прорывается в размышлениях лирического героя: «Не призываю к домоседству, // Дорога, домнапополам» [1, с. 418]. Дорога в цикле «Жарчиха» оказывается символом разрыва лирического героя с родным ему с детства миром. Дорога своего рода разрезает этот мир («дом-напополам»). Поэтому герой констатирует этот факт следующими строками: «Так было мне необходимо// Жить суматохами дорог» [1, с. 415]. Однако, чем дальше герой удаляется от него, не становится ли ближе он к родным истокам? С точки зрения, М. Бахтина, «суматохи дорог» - метафора жизненного пути, новой дороги, судьбы, всего того, что является открытием для героя в его жизни: различные встречи, многолюдье, иерархия социума, разность вероисповеданий, национальностей, человеческих возрастов... [2, с. 392]. Это обогащает жизнь человека, делает его личностный мир богаче, полнее. Но в раздумьях лирического героя выявляется внутренняя духовная отягощенность таким грузом. Оттого он мысленно спешит к распадкам родной Жарчихи, ее неторопливому журчанию как символу вечного движения, которое ничто, и никто не может остановить, в отличие от дискретности человеческой жизни. Возвращение лирического героя к родным истокам происходит в ментальном представлении образа тропинки.

Таким образом, образ малой родины в цикле сонетов «Жарчиха» И. Игумнова складывается из различных образов, символов, метафор, эпитетов, которые повторяются, варьируются, выражаясь в одной художественной единице текста - в мотиве. Именно эту функцию подчеркивает Ю.М. Садовникова, характеризуя природу мотива как «устойчивый смысловой элемент» [14, с. 82].

В стихах Светланы Нестеровой большой мир также берет начало из малого - от порога родного дома. Не случайно поэтесса пишет:

У родного порога.

Веру давшего мне,
Присягаю я богу,
Присягаю себе...
[7, с. 3]

Родной порог как символ малой родины крепко, цепко держит сознание взрослого человека, он никак не может резко прервать эту связь. Скорее, не желает. Ему дорог этот мир детства, где все знакомо, ярко. Радостно от вступления в большой мир. Все манит лирического героя. Соблазняет именно новизной, в этом и кроется таинственность: «Мне детство приснилось// В коротеньком платье. // Дорога пылилась// Меж лесом и гатью.// Луга в многоцветье// И запах медовый.//Роса на рассвете//Все вроде не ново.//Все также красиво!... //И дом наш как чудо, // С геранью в окошке» [7, с. 6]. Даже взрослым лирический герой не утратил чувства сильной тяги с родной землей. В сознании героя ирреальный и реальный план смешиваются, и уже не разобрать, где мир детства, где взрослый, оторванный, отчужденный от всего этого.

При этом героиня как наяву в мыслях возвращается к родным пенатам. Это находим в стихотворении, символически названном «Возвращение домой»: «Калитку родную// Узнав без труда, // Скажу: «Я вернулась// Мой дом, навсегда» [7, с. 8]. Такое состояние лирического героя, с позиции О.А. Колмаковой вполне естественно, так как «В самоидентификации - «обретении себя» - с любимым ли человеком или с родной землей (в более традиционной для русского менталитета «патриархальной естественности» - стихотворение «Родная сторона, меня прими...»), лирическая героиня, в конечном счете, ищет гармонию внешнего и внутреннего миров - слов и мыслей...» [6, с. 68]. И в этом поиске и по-настоящему, и ментально героиня все равно устремляется в мир родного уголка, родины, где все ясно, понятно, близко и до сердца родное, даже чужие, незнакомые люди: «Здравствуйте, родные. // Близкие, чужие:// Земляки - поклон Вам// Ото всей души...» [7, с. 9]. Героиня знает, что только в родной стороне человек обретает по-настоящему силы, возвращает свои утраченные крылья - находит цели, строит новые планы, рождает свои мечты. Без родных корней, истоков сделать это трудно, сложно поправить неисправляемое.

Мысль о сильных корнях малой родины концентрируется у поэтессы и в стихах о маме. Ей посвящено много стихов в разных сборниках. Одно из них прямо указывает на роль матери в жизни человека - это берегиня! Настоящий образ человека, стремящегося уберечь своего ребенка от будущих напастей, предостеречь, предотвратить от них. Подобные мысли поэтессы встречается в таких строках: «Провожает мать меня в дорогу. // Заклинает, чтоб не знала бед.// И прощаясь, плачет у порога,// Смотрит грустным взглядом долго вслед» [7, с. 10].

Стихотворение создано в традициях русской народной песни, в которой образ матери несет в себе нравственные основы всего народа. Это отношение святости к самому близкому родному человеку. Оттого обращение лирического героя к ней именно такими словами, как «Берегиня». Поэтому образ матери не только навечно связан с родной малой родиной, но и со всей Россией: «Мама, мама - ты воздух России» [7, с. 11].

Мотив малой родины у поэтессы соотносится отсюда с понятием святости, чистоты, первозданности и также символом оберега, что находим в таких строках: «Родная сторона, меня прими, // В душе останься первозданным маем! // Я пред тобою голову склоняя; // Молю тебя, прими и сохрани!» [7, с. 23].

Вполне естественно, что образ малой родины у С. Нестеровой соотносится так же с Байкалом. Однако в отличие от философской мысли А. Румянцева образ Байкала в стихах С. Нестеровой связывается в большей степени с личными переживаниями, впечатлениями, радостями и бедами, жизненными взлетами и падениями. Байкал в стихах поэтессы становится символом неиссякаемой силы. Отсюда чувствуется сильное желание героини не расставаться с ним вовек: «Здесь все мое! И воздух чистый. // И ярость бешеной волны. // Рябины жгуче-красной кисти, // И запах кедра и сосны. // И огоньки родного дома...» [7, с. 62].

Так мотив малой родины в стихах поэтессы вырастает из образов родного дома, матери, Байкала, различных символов и знаков. При этом С. Нестерова лишена локальности как таковой, ее поэзия стремится к объятию большого мира, всей России в целом.

В стихах Константина Соболева о малой родине доминирует так же, как и у Андрея Румянцева, образ Байкала. И это не случайно: будущий поэт тоже родился на берегах этого озера. С малых лет он впитал в себя необычайную синеву и сам воздух большого моря (как стали называть Байкал первые переселенцы). В своем художественном видении К. Соболев зорок, внимателен, он не упускает ни малейшей детали в изображении Байкала, описании его волн, прибрежного пространства с деревьями, птицами. В этом плане верно замечание литературоведа к характеристике поэта: «Произведения Константина Соболева в хорошем смысле этого слова природоцентричны...» [9, с. 5].

Поэтическая картина в стихах К. Соболева вся в движении, несмотря на некоторую ее статичность. Поэту удается запечатлеть разные цвета в природном пространстве:

Опять обнимет баргузин
Меня, как друг немножко пьяный.
И кисти красные рябин

Качнутся в розовом тумане...
О край мой, водный и лесной,
Прими измученное сердце,
Простором солнечным омой
И дай душе на миг согреться! [15].

Стихи поэта о Байкале родном поселке Усть-Баргузин, реке Баргузин пронизаны трепетным отношением к малой родине:

В родной поселок через сотню лет
Моя душа с небес прольет свой свет
На это пламя тополей, рябин,
На милы Шанталык и Баргузин,
На зелень сосен и простор болот,
На крышу, где пригрелся серый кот... [1, с. 508].

Лирический герой понимает: здесь его дом, родное пространство, в котором все знакомо и так просто, не надо быть искусственным, казаться неестественным в угоду моде. Оттого болит душа у лирического героя, что вся эта эпичная картина детского мира исчезла, а вернется ли: это еще вопрос. Поэтому чувствуется боль героя в строках: «Лишь закрою глаза – сразу вижу: // Берег речки, костер, ребятня. // Волны ласково лижут и лижут / Бок бревна. Только нету меня. // Больше нету того мальчугана, ... // Больше нету...» [1, с. 508]. В стихотворении своего рода раздвоение героя: он и взрослый, и в тоже время видит себя мальчиком. Но в этом представлении поэта предстает гармоничность мира, ничем и никем неразделенная, все едино, все взаимосвязано. А в реальности человек понимает, что такая картина жива в его памяти. Не более.

В большей степени мотивы родственности можно прочувствовать в стихотворении «Бабушкин дом», где находим следующие строки: «Дом старенький, заборы, палисад // Раскинув тополь листья, словно руки. // Я, маленький, вбегаю в белый сад...» [1, с. 509]. Герой представляет собою пока еще целостность как личность, в нем еще не появились ростки будущих дилемм, которые начнут раздирать его, мучить неизбежным выбором. Оттого взрослый человек, вспоминая ушедшее в глубину времен свое детство, задается вопросом: «Неужто было все? Был тот я, // Которого лет сорок пять как нету? // И бабки нет и деда. Дом чужой. // И даже сам себе я стал чужее...» [Там же].

Все чаще в стихах поэта появляется слияние земного и небесного. Она выражается в единении байкальской глади и небесной сини. Порой в стихах нельзя понять, где кончается на далеком горизонте цепь воды и начинается небесная синь. Также в мыслях поэта все чаще идет обращение к имени Бога. Лирическое выражение концентрируется в этом и рвется в обращении к небесам в словах как символах: «кладбище», «кладбищенский», «могилы», «небесное окно», «Бог», «рай», других. Так поэт

вписывает в вечность жизни, ее круговорот свою малую родину, себя с близкими сердцу людьми, Байкалом. В стихах концентрируются непреходящие нравственные ценности, где главными оказываются память, любовь, работа, тревога, печаль человека за всех и за все.

Таким образом, стихи русских поэтов Бурятии наполнены неиссякаемой безграничной любовью к малой родине во всех ее проявлениях. Прежде всего, это Байкал как нечто величественное-планетарное и в то же время —

это родное пространство малой родины. Оно притягивает поэтов своей мощью. Это точка единения лирического героя с миром. Байкал оказывается средоточием связующих времен, где прошлое, настоящее и будущее теряют свое содержание, создавая в памяти, воображении героев единую вневременную плоскость. Все включается в эту траекторию: детство героев, родной дом, село или поселок, близкие люди - мать, отец, бабушка и дед, земляки-сельчане. Именно в этом выражается мотив малой родины в стихах русских поэтов Бурятии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология литературы Бурятии XX-начала XIX века. В 3 т. Т. 1. Поэзия / сост. Б.С. Дугаров; вст. ст. Л.С. Дампиловой, Б.С. Дугарова. – Улан-Удэ; Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 607 с + ил.
2. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. - М.: Художественная литература, 1975. - 501 с.
3. Березкина, Е.П. Отражение национального самосознания в лирике А. Г. Румянцева // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022/4. с. 55-60.
4. Гармаш, Л.В. Танатологические мотивы в прозе русских символистов: монография / Л.В. Гармаш. - Харьков: Изд-во ООО «Щедрая усадьба плюс», 2015. - 312 с.
5. Имихелова, С.С. Мозаика национальной жизни: о литературном процессе в Бурятии (2010-е годы): монография / С.С. Имихелова. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2020. 216 с.
6. Колмакова, О.А. русскоязычная лирика Бурятии конца XX века: Основные стилевые тенденции // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2016/4. с. 64-71.
7. Нестерова, С.А. День прилета стрижей и касаток. Стихи. Улан-Удэ. Ассоциация молодых писателей. с. 68.
8. Паликова, А.К. Андрей Румянцев. С. 95-99 // Портреты писателей Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.-147
9. Прищепа, В. С открытым миру сердцем // Соболев, Константин Альбертович. Старик, зачем ты на нее смотришь? [Текст]: [рассказы] / Константин Соболев. - Улан-Удэ: НоваПринт, 2015. - 279 с.; 20 см.; ISBN 978-5-91121-115-8: 1000 экз. с. 3-5
10. Румянцев, А.Г. Государыня жизнь: стихотворения. Венки сонетов. Поэмы. Переводы / послесловие К. Балкова. Иркутск: Родная земля, 2006. 432 с. Текст: непосредственный.
11. Румянцев, А.Г. И воздух любви и печали. URL:[https:// denliteraturi.ru»article/3695](https://denliteraturi.ru/article/3695) (дата обращения: 21.12.2023). Текст: электронный].
12. Румянцев, А.Г. Колодец планеты. URL:[https:// baikal-viktoria.ucoz.ru» forum/62-381-3](https://baikal-viktoria.ucoz.ru/forum/62-381-3) (дата обращения: 21.02.2023). Текст: электронный].
13. Румянцев, А.Г. От сосны до звезды: стихотворения. Венки сонетов. Поэма / предисловие К. Балкова. Иркутск: Вост-Сиб. тип., 2017. 226 с. Текст: непосредственный.
14. Садовникова, Ю.М. Мотив пути/дороги в романе Барри Ансуорта «Моралите» // Art Logos (искусство слова). - 2022. - № 4. - С. 81-93. DOI 10.35231/25419803_2022_4_81
15. Соболев, К.А. К.А. URL: <https://stihi.ru/avtor/konstantin1> (дата обращения: 21.02.2023). Текст: электронный].
16. Топоров, В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983, с. 227-284 // Текст: семантика и структура [Текст]: [сборник статей] / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; [отв. ред. Т.В. Цивьян]. - Москва: Наука, 1983. - 302 с.: ил.; 21 см.

© Мункуева Лидия Доржиевна (lidiya-naumova@inbox.ru), Затеева Татьяна Владимировна (vlatat1954@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»